

Клятва. История сестер, выживших в Освенциме

Автор:

[Хэзер Дьюи Макадэм](#)

Клятва. История сестер, выживших в Освенциме

Хэзер Дьюи Макадэм

Рена Корнрайх Гелиссен

Проза истории

Рена и Данка – сестры из первого состава узников-евреев, который привез в Освенцим 1010 молодых женщин. Не многим удалось спастись. Сестрам, которые провели в лагере смерти 3 года и 41 день – удалось.

Рассказ Рены уникален. Он – о том, как выживают люди, о семье и памяти, которые помогают даже в самые тяжелые и беспросветные времена не сдаваться и идти до конца. Он возвращает из небытия имена заключенных женщин и воздаёт дань памяти всем тем людям, которые им помогали. Картошка, которую украдкой сунула Рене полька во время марша смерти, дала девушке мужество продолжать жить. Этот жест сказал ей: «Я вижу тебя. Ты голодна. Ты человек». И это также значимо, как и подвиги Оскара Шиндлера и короля Дании. И также задевает за живое, как история татуировщика из Освенцима.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Рена Гелиссен, Хэзер Макадэм

Клятва. История сестер, выживших в Освенциме

Rena Kornreich Gelissen

Heather Dune Macadam

Rena's Promise

© by Rena Kornreich Gelissen and Heather Dune Macadam, 1995, 2015

© Г. Л. Григорьев, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Проза истории

В феврале 1942 г. германское министерство иностранных дел обратилось к правительству Словакии с официальной просьбой отправить в Германию на работу 20 тысяч молодых и здоровых евреев. Правительство Словакии согласилось и обязалось перечислить Германии по 500 рейхсмарок за каждого депортированного, якобы в виде возмещения расходов на профессиональное обучение высланных евреев и их устройство на новом месте. Фактически эти деньги были уплачены за данную нацистами гарантию, что депортированные никогда не вернуться в Словакию, а на оставленную ими собственность не будут предъявлены претензии. С 26 марта до конца июля 1942 г. из Словакии в оккупированную немцами Польшу были высланы около 54 тысяч евреев; их доставили в Освенцим..., где практически всех уничтожили (ЭЭЭ). Как в любом последовательном плане по уничтожению народа, минимальные шансы на выживание имели именно женщины.

Рена, чьи воспоминания легли в основу этой книги, – одна из этих 54 тысяч. История Рены – это история стойкости, любви и сопротивления логике

нацистского геноцида.

Дорогие мама и папа!

Эта книга посвящается вам.

Я пятьдесят лет мысленно рассказывала вам эту историю.

Наконец-то она опубликована, и мне больше не надо передавать ее из уст в уста.

С любовью к вам. Рена

А это для Данки:

Без тебя не было бы и самой истории.

Общего у людей все-таки больше, чем того, что их разъединяет.

И никто из нас не должен вставать над другими.

- Майя Энджелоу

Когда появится пришелец в земле вашей, не притесняйте его.

Пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что местный житель: любите его, как себя...

- Левит 19:33-34

Предисловие

Мое сердце не настолько велико, чтобы вмещать в себя еще и ненависть.

Ненавидеть – значит позволить Гитлеру одержать победу.

– Рена Корнрайх Гелиссен

– А вам-то что до всего этого?

Такой вопрос задала мне одна женщина, когда мы стояли на крыше бруклинской многоэтажки, где я со своими гостями отмечала двадцатилетие выхода в свет «Клятвы». Эту женщину (не стану называть ее имя) только что представили мне как человека, хорошо известного в кругу людей, переживших Холокост. Ну как же: при чем тут вообще я – американка-нееврейка (то есть шикса[1 - Шикса – обозначение евреями нееврейки (происходит от ивритского слова «шэкэц»(???) – мерзость, нечистое насекомое). – Примеч. ред.], чего уж там!), которая просто выступила техническим соавтором?

До того момента мне никогда не приходило в голову, что Холокост может восприниматься как нечто сугубо личное – то, чем не стоит делиться с остальным миром.

В те времена, когда я писала текст первого издания, у меня не было денег, чтобы съездить в Польшу, а в 1995 году, когда книга вышла, я – хотя меня звали с собой Питер Маттиссен[2 - Питер Маттиссен – американский писатель (1927–2014). – Примеч. ред.] и дзенские миротворцы – не смогла поехать в Аушвиц, поскольку чувствовала себя интеллектуально и эмоционально не готовой к встрече с этим страшным местом. Для того чтобы решиться на такую поездку, мне потребовалось почти 20 лет. В 2012 году я, наконец, нашла в себе силы для нее, но сперва заехала в словацкий город Попрад, откуда отправился в свое время в лагерь первый состав с 998 девушками.[3 - В источниках обычно говорится о 999 девушках, но, сверив списки (их было два – транспортный и лагерной регистрации), я обнаружила, что девушек было 998, а цифра 999 появилась из-за канцелярской ошибки.] Я прибыла в Попрад накануне семидесятой годовщины этого события и обнаружила, что я далеко не единственный человек, отдающий дань памяти тем временам. Горели свечи, лежали цветы у памятной доски с надписью: «Здесь была железнодорожная

станция, с которой 25 марта 1942 года в концентрационный лагерь Аушвиц отбыл первый состав с тысячей словацких еврейских девушек». Печальную годовщину в Словакии отмечали широко. Поезд памяти, следующий из Попрада в Аушвиц, вмещал в себя выживших бывших узников, а также студентов, историков и следопытов. В мероприятии приняли участие даже премьер-министр Словакии Ивета Радичова и ее заместитель Ян Фигель. В Восточной Европе всё, что связано с первым составом, широко известно – но на Западе я то и дело встречаю людей, которые никогда не слышали о том, что в первом «еврейском» составе, следующем в Аушвиц (как, впрочем, и в следующих трех, отправленных из Словакии), находились только женщины. К 3 апреля 1942 года в Аушвице было уже 4760 евреек.

Тем вечером, когда я приехала в Попрад, произошло еще одно событие. Я обнаружила там родных Аделы Гросс, а они познакомились со мной. Оставшиеся в живых родственники Аделы каждый год посещают Попрад, чтобы почтить память семнадцатилетней сестры и тети, потерянной ими в 1942-м. В 70-ю годовщину – то есть 70 лет спустя – они узнали, наконец, что случилось с Аделой в Аушвице: узнали благодаря этой книге.

После той моей поездки я нашла и других людей, чьи матери и другие родственники оказались вместе с Реной в первом составе. От одного из них я узнала, что в архивах Яд Вашем[4 - Яд Вашем – музей в Иерусалиме; ивритское слово «яд» означает здесь «место памяти». – Примеч. ред.] в Израиле хранится оригинал списка, содержащего имена всех 998 женщин из первого состава. Так был получен дополнительный материал для настоящего переиздания книги с точной информацией о первых еврейках в Аушвице. Сегодня нам известно, что в первом составе находились 297 девушек-подростков, 521 женщина в возрасте «за двадцать», 151 женщина «за тридцать», 40 женщин «за сорок», а одной женщине (ее звали Этела Ягерова) было 58 лет. Может, она заняла место, спасая дочь или внуку? Мы никогда об этом не узнаем; нам известно лишь, что она погибла 5 сентября 1942 года.

Одним из самых поразительных фактов было то, что многие девушки в первом составе ехали со своими родственницами, и именно поэтому данная книга имеет подзаголовок «История двух сестер, выживших в Освенциме». Это не просто история о Рене и ее сестре Данке. В лагере находилось множество других сестер, включая Эрну и Фелу Дрангер (они, как и Рена с Данкой, тоже родом из польского городка Тылич), а также сестер Шварцовых – Мими (№ 1066), Целию (№ 1064), Регину (№ 1065), – все трое чудесным образом выжили.

Лидия Марек, которая помогла мне найти этот список через Яд Вашем, – это дочь Марты Мангеловой (№ 1741), которая пережила Аушвиц вместе с семьей двоюродными сестрами благодаря тому, что одну из них назначили старостой блока и ей удалось переместить в свой блок всех родных, так что она могла за ними присматривать. Есть и другие удивительные примеры выживания, но у большинства девушек, оторванных от семей в марте 1942-го, жизнь оборвалась в Аушвице.[5 - Учет смертей женщин велся в Аушвице не очень тщательно, к тому же часть документов была уничтожена, но нам сегодня известно, что из женщин, прибывших первым составом, более двухсот погибли в первые шесть месяцев. Более пятидесяти из них были еще подростками. (Источник: Яд Вашем и «Сохранившиеся документы о смертях в концлагере Аушвиц».)]

Так почему же эта история столь важна сегодня? Зачем нам уделять внимание судьбам тех молодых женщин? «Вам-то что до всего этого?» Я надеюсь, данная книга поможет читателю найти ответы на эти вопросы.

После 1995 года многие бывшие узники, пережившие Холокост, опубликовали свои воспоминания о том, как им удалось уцелеть. Они хотели донести свои истории до грядущих поколений. Но рассказ Рены все равно остается уникальным – и не только потому, что она провела в лагерях много времени, но еще и потому, что она оказалась в числе доставленных туда первым составом (историки используют термин «первый зарегистрированный случай массовых перевозок»).[6 - Имеется в виду первый в рамках политики «окончательного решения еврейского вопроса» (Strzelecka).]

Поскольку время пребывания Рены в лагерях было столь долгим, мне пришлось отказаться от примечаний в конце книги и использовать сноски внизу страниц, чтобы отслеживать хронологию. Выстроить повествование во времени – задача невыполнимая, если в твоем распоряжении нет того или иного исторического контекста, и порой единственным источником, позволявшим датировать события, оказывались погодные данные. Имея готовую хронологию, читатель получит возможность рассматривать события в контексте – возможность, которой Рена была лишена в лагерях. Кроме того, прибегая к архивам погодных сводок, я сделала все возможное, чтобы описываемые события – если известна дата – соответствовали реальным климатическим условиям той местности.

Двадцать лет назад, когда писалась эта книга, у нас не было доступа ко всей информации. Кроме рассказа самой Рены мы использовали работы историков

Дануты Чех, Джона Рота и Кэрол Риттнер – вот практически и все наши источники. Ирена Стржелецкая, которая в то время руководила исследовательской работой в Государственном музее Аушвиц, до знакомства с Реной никогда раньше не встречалась ни с кем из первого состава и использовала фрагменты ее истории в своих разделах книги «Трагедия евреев Словакии. 1938–1945».

Часть этой трагедии состояла в том, что словацкое правительство продавало евреев в рабство РСХА (германскому Главному управлению имперской безопасности) и они потом бесследно исчезали из жизни своих семей и из истории. Сегодня мы можем вернуть этих женщин в историю. Мы знаем о них и можем почтить их память, вспомнив их имена.

В рассказах уцелевших женщин немало говорится о том, как узницы помогали выжить своим родным и подругам. Однако они относились к поколению женщин, в большинстве своем предпочитавших хранить молчание о выпавших на их долю испытаниях – некоторые стремились уберечь от этого своих детей или мужей, другие просто не хотели вспоминать те страшные годы, проведенные в лагерях. Я однажды познакомилась с женой раввина, которая никому из синагоги ни разу не обмолвилась, что была в первом составе, следующем в Аушвиц.

Рена решила рассказать свою историю по нескольким причинам, но самой важной из них было желание воздать дань памяти всем тем людям, которые ей помогали. И именно это ее бескорыстие побудило меня целиком отдаться работе с ее историей. Наше сотрудничество началось не с юридического договора, а с рукопожатия, и поскольку я была бедной студенткой, получавшей минимальную зарплату в копировальном салоне, Рена и ее муж Джон каждый месяц давали мне по 50 долларов на бензин. Вот так все это и происходило. Каждую субботу, оставив рабочую неделю позади, я с утра садилась за руль, проезжала 265 километров до дома Рены и Джона и слушала ее рассказы. Уже после выхода книги я много лет ездила к ним в гости – на дни рождения и другие праздники или просто потому, что мы соскучились друг по другу.

Самое главное, о чем Рена хотела рассказать читателю, – это множество маленьких подвигов, которые спасли ей жизнь. Те, кто помогал ей, часто были обычными сельскими жителями, военнопленными, необязательно евреями. Идет ли речь о польке, которая тайком передала ей две картофелины и два вареных яйца во время Марша Смерти, или о лекарствах, что добыли для нее другие

узники, когда она работала на сушке белья, – каждый из этих поступков был не менее значим для Рены, чем для истории монументальные подвиги Оскара Шиндлера или короля Дании. Картошка, которую украдкой сунула ей полька, дала Рене мужество продолжать жить и стала пищей не только физической, но и духовной. Этот жест сказал ей: «Я вижу тебя. Ты голодна. Ты человек».

Кроме того, Рена, рассказывая нам свою историю, надеялась, что это поможет ей ослабить боль и горечь ее воспоминаний. Когда мы писали книгу, ей часто снились кошмары, и с утра она первым делом звонила мне – сообщить, что вспомнила еще один случай, о котором забыла упомянуть на прошлых выходных. Боль воспоминаний полностью не исчезла, но Рена много раз отмечала, как помогают ей письма читателей. В минуты депрессии или тоски она зачитывала их мужу. Со мной они частенько делились по телефону очередной порцией почты, пересказывая, что они написали в ответ каждому из читателей. Свои ответные письма она всегда заканчивала словами: «С любовью к вам. Рена», поэтому мы поместили репринт этой подписи на титульном листе.

В эти простые слова Рена вложила всю душу: именно любовь к людям руководила ею, когда она стремилась поведать им о пережитых ужасах. «Клятва» – это ее письмо вам.

Одна из моих любимых историй про Рену – ее беседа со студентами-психологами из Университета Брауна. «Я чувствовала себя такой дурой среди этих умных ребят, – рассказывала она мне. – Я не знала, как отвечать на их вопросы. Они спросили, как мне удалось оправиться от Аушвица, а я им ответила, что родила детей».

Но разве это глупость? Да, у нее всего восемь классов школы, да, она чувствовала себя «деревенщиной неотесанной» среди более образованных людей, но она поняла и донесла до молодых людей главное: единственный способ пережить геноцид – это создать новую жизнь, изжить ненависть и заполнить ее место любовью. Это ее завет нам.

В 2006 году, когда Рена умирала, я была с ней рядом и на похоронах произнесла надгробное слово. Каждый день своей жизни я скучаю по ней, и в каком бы месте мира я ни оказалась, всегда привожу оттуда розовые камешки на ее могилу. Она любила розовый цвет.

В моем сердце по-прежнему звучит ее голос, и я надеюсь, его услышите и вы, когда прочтете ее историю. Знакомство с Реной, работа над этой книгой сделали меня лучше. Рена всегда первой вставала на защиту того, кто угнетен и обижен – кем бы этот человек ни был. Она понимала, что проявить доброе чувство к другому – значит признать в нем ЧЕЛОВЕКА, а не какое-то низшее существо, которое из него пытаются сделать. Именно в этом признании человеческого в любом человеке главный смысл сострадания.

«Мне-то что до всего этого?» – повторяю я себе вопрос женщины, который до сих пор звучит в моих ушах.

И отвечаю на него: я ведь женщина. И я человек.

Из наших совместных фотографий эту Рена любила больше всего. Мы сидим в комнате, где она рассказывала мне свою историю.

* * *

В 2011 году был создан фонд Rena's Promise Foundation, чья миссия – способствовать рождению мира, где нет места предрассудкам, расизму и ненависти. Если вы хотите помочь нести завет Рены или просто узнать об этом больше, посетите www.RenasPromise.com. Там вы найдете интерактивную хронологию узниц Аушвица, наш блог об исторических годовщинах и информацию о проекте Promise Project, посвященном исследованию судеб женщин из первого состава, следующего в Аушвиц.

Пролог

Я касаюсь шрама на левом предплечье у самого локтя. Выжженный там лагерный номер удалил хирург. Сколько людей, не имеющих никакого

представления о происхождении такой «татуировки», надоедали мне вопросами: «Что это у вас за цифры?», «Это ваш адрес?», «Это телефон?»

Как мне им ответить? Что 3 года и 41 день эти цифры были моим именем?

Один любезный врач предложил избавиться от них.

– Это не благотворительная акция, – заверил он. – Это меньше, что я могу сделать как американский еврей. Вы там были. А я – нет.

И я решила избавиться от вопросов, удалив эти цифры со своей руки. Но в душе-то они останутся, оттуда их не вытравить. Снятая врачом кожа хранится в склянке с формальдегидом, который выкрасил ее в жутковато-зеленый цвет. Цифры уже, наверное, не различить, я не проверяла. Мне не нужны напоминания. Я знаю, кто я есть.

И кем была.

Я была в том первом составе, отправляющемся в Аушвиц. Я была номером 1716.

Рена Корнрайх Гелиссен,

январь 1994

Карта перемещений Рены во время войны

Рена

Суббота, морозное январское утро. Я неторопливо веду свою машину – от предгорий Северной Каролины туда, где Голубые горы украшают своими гребнями серо-синий горизонт, словно застывшие во времени волны. На последнем крутом витке восточного раздела у меня перехватывает дух. Солнечные лучи над Эшвилльской долиной, словно доброе знамение, пронзают гряды облаков.

Я люблю эту дорогу. Она всякий раз поднимает мне настроение и оживляет душу. И это прекрасно, поскольку следующие четыре месяца мне предстоит ездить по ней еженедельно, а там, куда я направляюсь, меня ожидает отнюдь не безмятежный отдых. Меня ждут встречи с одной из немногих выживших евреек, оказавшихся в том самом первом составе до Аушвица, с женщиной, решившей поведать свою историю после 50 лет молчания.

До сих пор мы с Реной общались лишь дважды и сегодняшнюю встречу откладывали чуть ли не месяцами, но теперь, когда все праздники, как и сезон снежных бурь, уже позади, предлогов у нас больше не осталось. Мысли путаются в моей голове: мне не по себе от стоящей передо мной задачи. Помочь Рене рассказать ее историю – причем так, чтобы в процессе кого-нибудь из нас двоих не затянуло в омут мучительных воспоминаний, – дело непростое даже для психолога, а я всего лишь писатель.

Но я все равно хочу работать с Реной, и на то есть свои причины. Мои предки, квакеры, жили прямо у линии Мэйсона-Диксона[7 - Граница, проведенная в 60-е годы XVIII века английскими специалистами Чарльзом Мэйсоном и Джеремайей Диксоном, специально приглашенными для разрешения территориального спора между Пенсильванией и Мэрилендом. Сложилось так, что линия Мэйсона-Диксона фактически стала границей между Севером и рабовладельческим Югом.]. До Гражданской войны и во время нее они прятали у себя беглых рабов, а у моей бабки был первый в городе ресторан, гостеприимно принявший членов Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, когда те приехали пропагандировать гражданские права. С самого детства я знала, что, доведись моей семье жить в Европе во время Второй мировой, мы с риском для жизни пытались бы спасти евреев, да и кого угодно, кто попал бы на мушку нацистов. Последние несколько лет я была волонтером в психотерапевтическом центре при хосписе – помогала детям, потерявшим родителей или опекунов, написать книгу об их горе. Сейчас мне предстоит делать примерно то же самое, но в ином масштабе. И еще при том условии, что мы найдем с Реной общий язык. Я втайне опасаюсь, что покажусь ей не подходящей для выполнения такой

задачи: я же не еврейка и не полька, а американка, к тому же слишком молода. Возникнет ли необходимое доверие?

Когда мы впервые говорили с ней по телефону, я как раз готовила на ужин pierogi и kielbasa.

- Ты полька? - оживилась она.

- Нет, - ответила я. - Просто я люблю pierogi. Мы заказывали их в нью-йоркской ночной закусочной, которая называлась «Киев в Нью-Йорке: Нижний Ист-Сайд».

- Наверное, мне бы там понравилось.

Пироги нас сблизили.

Дом Рены находится в небольшой долине, за ним луг, где пасутся стада коров. Со всех сторон по горизонту, словно арочные фермы мостов, нас окружают роскошные очертания Голубых гор. На подъезде к дому, прежде чем выйти из машины, я привожу в порядок мысли и содержимое портфеля. От своего дома в Пьемонте (Северная Каролина) я ехала сюда без малого два часа. Здесь, в горах, воздух прохладнее, зато солнце ярче, а ветерок, хоть в нем и чувствуется морозец, отнюдь не суров.

В доме меня тепло приветствует Ренин муж Джон. Мы жмем друг другу руки, и он кричит:

- Mamochka! К тебе приехала прекрасная леди!

Через гостиную к кухне мчится Рена - этакий сгусток энергии. Я представляла себе ее совсем не такой. Она энергична, жизнерадостна, словоохотлива.

- Папочка, предложи ей сесть. Ого, какая ты высокая! - улыбается она мне.

- Правда? У нас в семье я коротышка.

- А я в своей - великан. - Ее глаза радостно блестят.

– Хэзер, пойдём, поглядишь на Ренин бельевой шкаф! – Джон жестом зовет меня за собой.

– Ян, не надо! – Она принимается отчитывать его по-голландски, но потом – чтобы понимала и я – добавляет по-английски: – Ты ставишь меня в неловкое положение.

– Мамочка, ты же вчера весь день там копалась, порядок наводила. Пусть хоть Хэзер оценит твои труды. Иначе откуда она узнает, какая ты хорошая хозяйка?

– Неправда! В шкафу у меня всегда порядок, – с гордостью заявляет та.

Показывая свое превосходное постельное белье, которое она коллекционировала много лет, Рена тихо говорит:

– Я ничего не получила в наследство – ни белья, ни фамильных реликвий. Это все собрано мною на распродажах. Я до трех утра отстирывала пятна, которые другие сочли безнадежными.

– Вот. Теперь Хэзер знает, какая ты опрятная и аккуратная. Хэзер, а ты приведешь в порядок свои бельевые шкафы, когда мы соберемся к тебе в гости? – подтрунивает Джон.

– У меня нет бельевых шкафов, – отвечаю я и в шутку добавляю: – Вам еще повезет, если я хотя бы пыль смахну.

Рена берет меня под локоть.

– Только не вздумай ради меня ничего убирать! Я знаю, я слишком много этим занимаюсь. А когда нервничаю, вообще не могу остановиться.

Мы перешучиваемся по-приятельски и непринужденно. Между нами не возникает никаких преград. Такое ощущение, будто мы знакомы всю жизнь. Предполагалось, что эта встреча будет пробной, но мой испытательный срок заканчивается, не успев начаться. Через полчаса после знакомства я уже знаю, что сделаю все, лишь бы помочь Рене, а ей этого времени хватило, чтобы открыть мне свое сердце навсегда.

– Мне просто хочется, чтобы наши дети прочли мою историю, – говорит она. – Рассказать я им не могу. Я пробовала, но это слишком тяжело.

В тот первый день я уже знала: как минимум в этом я точно ей помогу – она это заслужила.

В подвале, где нам предстоит весь следующий год проводить в объятиях призраков, эксгумируя прошлое, мерцает свет газовой лампы. Занавески на окнах окрашивают комнату в розовый цвет. Из розовой комнаты с газовым освещением Рена ведет меня в соседнюю, где развешаны семейные фотографии. Стенка разделена на две части: слева – семейство Гелиссен из Голландии, справа – Корнрайхи из Польши. Между ними свадебный снимок Рены и Джона и фото детей. Рена говорит, что, не эмигрируй ее старшая сестра Гертруда в Америку еще в 1920-е, довоенные фотографии не сохранились бы.

Со свадебного портрета ее матери смотрит красивая женщина с мягкими и ясными карими глазами. Ее шею охватывает высокий викторианский кружевной воротник, а волосы собраны на макушке в элегантный узел – не скажешь, что это парик. «Привет, мама...» – Рена целует ее руку, касается лица на портрете.

– Как ее звали? – спрашиваю я.

– Сара.

Рядом с портретом черно-белая фотография семейства Корнрайх, сделанная задолго до войны.

Мама

Слева направо Данка, мама, Зося, папа, Рена

– Понимаешь, когда мы переехали в Северную Каролину, я подумала: теперь мой номер удалили, никто здесь меня не знает, и можно обо всем этом забыть, – рассказывает Рена. – И тогда я решила, что больше никогда в жизни ни с кем не буду говорить об этом. Оно того не стоит.

– Почему же вы рассказали Коррине? – Так зовут нашу общую знакомую.

– Не знаю! – смеется Рена. – Случилась потрясающая вещь. – Она с округлившимися от удивления глазами описывает предысторию нашей встречи. – Я ошиблась номером, но голос на другом конце показался знакомым.

«Это Коррина из теннисного клуба?» – спрашиваю я. «А это Рена?» – спрашивает она в ответ.

Рена разыгрывает эту сцену по ролям, и мне кажется, будто весь разговор происходит прямо при мне.

– Я звонила другому человеку, а попала на нее. Мы с ней решили, что это чудесное совпадение, поскольку ее не было в городе несколько недель.

«Как твои дела? – спрашиваю я. – Давненько тебя не видела».

«У меня был сложный период», – отвечает она.

Потом Коррина заговорила о своем прошлом, о том, какую боль оно причиняет, и тут вдруг я сама не знаю почему говорю: «Я тебя прекрасно понимаю. Я ведь была в Аушвице». Ее это потрясло, она принялась расспрашивать, и я ей сказала, что уже 50 лет мысленно пишу эту историю, но не могу перенести на бумагу.

«Мне нужен человек с добрыми глазами – чтобы он сел передо мной, все выслушал и помог записать». И Коррина отвечает: «У меня есть такой человек».

– И вот ты здесь! А все потому, что я перепутала номер. – Рена хлопает меня по колену. – Знаешь, о чем я подумала, когда мы первый раз говорили по телефону? – Я отрицательно качаю головой. – Что раз ты ешь pierogi, значит, ты

тот человек, который мне нужен. – Она смеется, и вскоре смеюсь и я. Рена на удивление улыбочивый и светлый человек. Смеются даже ее глаза.

* * *

Поначалу я думала, что нужно просто записать рассказ Рены на диктофон, а потом сделать расшифровку. План был неплох: она будет говорить, а я – впитывать ее слова ушами, глазами и мурашками по коже. Я зафиксирую ее слова на пленке, а затем перенесу их на бумагу. Однако брать интервью у Рены оказалось нелегкой задачей.

Я ожидала, что она расскажет свою историю – от начала войны и до конца, от пункта А до пункта В. Но движение памяти по времени нелинейно. Память играет в классики и скачет через скакалку. Определить пункт А уже было нелегко, а пункт В за год наших бесед, раскопок и записей в какой-то момент превратился в пункт Z. Память у Рены потрясающая, но слишком уж щедрая на ассоциации. На меня низвергался хаотичный поток обрывочных сцен, в котором не проглядывало никакого организующего принципа. Плюс к этому фантастическая скорость речи и сильный акцент. Я поняла, что так ничего не выйдет, что мой план здесь не сработает. Еще в самом начале я совершила ошибку – отправила Рене пару страниц неотредактированной расшифровки записей. Она сильно расстроилась: «Неужели у меня такой плохой английский?!»

Я осознала, насколько это сложно – воспроизводить на письме устную речь рассказчика. Как заставить читателя услышать ее голос, словно говорит она сама? Простой расшифровкой тут не обойдешься – нужно найти способ передать дух Рены в том виде, в каком он предстал передо мной через ритмику ее речи и жестов, неуловимые нотки в голосе.

Самые важные и самые мучительные воспоминания зачастую и самые краткие: не проходит и полминуты, как повествование заканчивается и начинаются слезы. Подобно полному энтузиазма археологу, я бережно копалась в этих воспоминаниях. Мои раскопки порой заставляли меня обращаться к нацистским записям, где я нашла точные даты многих из пережитых Реной событий. Я провела несколько недель, роюсь в архивах университета Уэйк-Форест и изучая «Хронику Аушвица» Дануты Чех в поисках голых фактов и подтверждающих историю Рены официальных данных. А когда находила... Эти моменты леденили душу. Меня обволакивала тишина. Я сидела в библиотечной кабинке,

уставившись в нацистские документы, и чувствовала, словно мир вокруг замер. Вновь и вновь я была вынуждена отметить все сомнения и смотреть в лицо тому факту, что моей Рене – этой живой, энергичной женщине, которая поименно знает всех покупателей в местном магазине и здороваается на улице с незнакомыми людьми, – судя по точности пересказываемых ею деталей, пришлось 3 года и 41 день наблюдать систематическое истребление женщин и детей. Как ей удалось пройти через все это и сберечь душу?

Найденные детали помогли мне составить хронологию ее заключения. У Рены не было календаря, а бывшие узники в своих рассказах обычно описывают лишь последние пару месяцев пребывания в лагере – от силы год. Мне не встретилось больше историй, подобных истории Рены. Поэтому найти способ вставить ее воспоминания в исторический контекст было чрезвычайно важно – не только ради документальных подтверждений ее рассказа, но и чтобы восстановить хронологию событий, тот календарь, которого сама Рена была лишена.

Но в архивных записях найдешь не все. Туда не занесены примеры гуманизма, который проявляли как евреи, так и неевреи, как немцы, так и поляки, и который Рена не просто наблюдала со стороны, но и испытала на себе. Ее рассказ замышлялся как автобиография в дар своим детям, но он перерос в завет человечеству, в свидетельство о мужестве тех, кто помог ей выжить. Она хотела бы поблагодарить каждого из этих людей поименно и без исключения.

* * *

В ту нашу первую встречу январским солнечным днем мы расположились на диване у камина, и я потихоньку нажала на кнопку диктофона.

– У меня есть масса книг о Холокосте, – вскочила Рена. – Хочешь посмотреть?

Она нервничала.

– Давай сначала поговорим. – Чтобы успокоить ее, я произносила слова низким ровным голосом, каким говорила бы с ребенком, проснувшимся среди ночи от кошмарного сна. Она настороженно глянула на меня, расправила невидимую складку на брюках, поправила салфетку на кофейном столике. Потом еще раз ее поправила. Я чувствовала себя дантистом, которому предстоит удалять зуб без

наркоза.

Она широко распахнула глаза и спросила:

– С чего мне лучше начать?

Тылич

Папа считал, что дело женщины – рожать детей, вести кошерную кухню и уметь молиться, но мама настаивала, что мы должны учить иврит. «Не хочу, чтобы мои девочки на свадьбе выглядели так же глупо, как я, не сумевшая в храме прочесть молитву из книги».

Она подняла такой гвалт, что старейшины в синагоге – лишь бы она успокоилась – решили сделать исключение и позволили мне после уроков в обычной школе ходить в хедер, еврейскую школу для мальчиков. Мать платила учителю меламеду – яйцами, маслом и молоком, чтобы я могла сидеть в сторонке от мальчиков и заниматься ивритом, а потом, придя домой, пересказывать урок Данке.

* * *

– Ой вэй! Что же я делаю? – восклицает вдруг Рена, рывком возвращая нас обеих в настоящее. – Я начала с середины, а начало пропустила! – Она качает головой. – Я решила, что ты и так все знаешь.

– Все в порядке. – Я с улыбкой похлопываю ее по коленке. Комната купается в розовом свете, делая теплоту между нами осязаемой, и Рена вновь принимается рассказывать – на этот раз медленно – свою историю, возвращаясь к самому рождению...

* * *

Я родилась в 1920 году, когда маме было под сорок, а отцу – под пятьдесят. В нашей семье было двое старших детей и двое появившихся значительно позже. Самая первая дочь – Гертруда – на 16 лет старше меня. Потом родилась Зося, она на два года младше Гертруды. Последней увидела свет Данка – мне в ту пору было всего два годика.

Папа держал себя с нами очень строго, но боже мой, как же он любил нашу малышку! Он баюкал ее на руках, качал взад-вперед, напевая молитвы. У него был чудеснейший голос, и его молитвы наполняли наш дом благодатью.

Мы с мамой заглянули в Данкину колыбель – такая маленькая, такая хрупкая, в жизни ничего подобного не видела. Я просто влюбилась в ее ножки, в ее крохотные ручки. Ей и пары месяцев не исполнилось, как у нее случился круп[8 - Воспаление дыхательных путей. – Примеч. ред.]. Ужас! Она кашляла днями и ночами напролет, а потом кашель вдруг стих. Наступила жуткая тишина. Мать разрыдалась. Никогда не видела ее настолько убитой горем.

Она накрыла Данке головку белой простыней и одеяльцем. В доме повисло скорбное молчание. Мы потеряли нашу малютку. Я хотела осушить мамины слезы и молилась Богу в небесах, чтобы он вернул ее девочку.

А потом из-под одеяла раздался вой. Сначала всех охватил ужас – к нам в дом пришло привидение, гайст, призрак, нечто неведомое. Но вой не прекращался. Мама ринулась к Данке, отбросила одеяло, и вот вам пожалуйста – краснощекая малышка дышит и сердится, что ее укрыли с головой.

Наша малютка жива!

Папа, ясное дело, схватил ее и стал молиться. Она была благословением, ответом Бога. И с того самого дня я стала считаться «большой» – хотя всего на два года старше, – а Данка «маленькой». Она всегда была более хрупкой, и мама хлопотала над ней, потому что Данка вернулась с порога, ведущего в иной мир.

– Присмотри за маленькой, – говорила мама. – Береги ребенка.

А я и без того очень любила этим заниматься.

Мне было пять лет, когда Анджей Гарбера наехал тележкой на куличики, которые вылепили мы с Данкой. Разумеется, все наши тяжкие труды пошли насмарку, а Анджею – ведь он мальчишка – было наплевать, и он, вместо того чтобы нас пожалеть, стал смеяться над нашей бедой. У мальчишки же нет других забот, кроме как мучить девчонок. Когда мы шли в школу, он кидался в нас снежками, но я защищала сестру и отстреливалась. Я бросала снежки очень метко. «Только попробуй обидеть мою сестру, Анджей!» – грозилась я. Но в один прекрасный день он вдруг перестал кидаться снежками и вообще перестал нас задирать, а вместо этого вдруг сказал «привет».

Я ответила на приветствие, и это стало началом нашей с Анджеем истории...

Мы, конечно, были ортодоксы, и родители не позволяли нам водиться с мальчишками, но Франя – а она из гоев, как и Анджей, – была одной из моих лучших подруг. Она часто приходила ко мне поиграть, и ее родители разрешали ей отмечать вместе с нами праздник урожая суккот. Мы строили во дворе шалаш, украшали его корзиночками с каштанами или яблоками, разноцветными бумажными кольцами, а к веткам крыши подвешивали орехи. На Рождество мама отпускала нас к Фране помочь им наряжать елку. Как видишь, в Тыличе никто никого не презирал. Мы все ладили друг с другом. Это не составляло труда. У нас было больше общего, чем различий. Мы все поляки, все живем в одном и том же местечке, все ходим на один и тот же рынок. Никаких предрассудков. Мы жили в экуменическом обществе – не раздраемом противоречиями, а находящем общий язык между всеми.

Единственное, что действительно нас выделяло на фоне гоев нашей деревни, – это прически. У папы были шикарные пейсы и длинная борода, а мама носила парик. Это традиция у ортодоксов. Когда Зося выходила замуж, она умоляла папу позволить ей оставить хотя бы чуть-чуть волос. Она рыдала, когда ее брили, и спрашивала, зачем замужним женщинам нужна бритая голова. «Это их обет не быть привлекательными для других мужчин, – ответила мать, – так они подтверждают верность мужу».

Раз в несколько недель мама снимала парик, и я брила ей над тазом голову, как было у нас заведено. Папиной машинкой для стрижки я аккуратно проходила по ее черепу, стараясь не задеть острыми зубчиками нежную кожу. Мама закрывала глаза, словно погружаясь в медитацию, а я, пользуясь случаем, изучала безмятежное выражение ее лица. Затем я обтирала ей голову. Голова была чистой, кожа – мягкой, как у младенца, и блестела.

Она оставалась сидеть с закрытыми глазами еще пару секунд, а потом звала папу, чтобы я побрила голову и ему. Когда они менялись местами, их взгляды на мгновение встречались, и они обменивались нежными улыбками.

Я мечтала о том дне, когда дам торжественный обет мужу – побрею голову. Это был обряд инициации, которого мы все боялись, но к которому стремились. Я, как и Зося, волновалась, что стану уродливой. Лишиться волос – вещь не очень приятная, но выйти замуж – этого мы все страстно желали, хотели жить в браке, как мама и папа.

Когда отец проходил мимо мамы, он всякий раз касался ее. Его рука опускалась между ее лопаток и скользила вниз до середины спины, а иногда – когда он думал, что мы не видим, – он отвешивал ей сзади легкий шлепок.

Данка, Дина Дрангер и Рена в Крынице с медведем

Рынок – центр нашего мира. Дальше, вниз по уклону, располагалось все наше село. На главной улице стояли кошерная мясная лавка и обычная мясная лавка, а также сырная лавка и ратуша. И возле этого центра жили Гарберы, прямо дверь в дверь с Эрной и Фелой Дрангер. Эрна и Фела были наши с Данкой лучшие подруги-еврейки, а Франя – моя лучшая подруга из гоев. Мы часто проводили вечера у сестер Дрангер вместе с их кузиной Диной – с ней очень дружила Данка. Мы играли в домино или просто сидели в гостиной и говорили обо всем на свете, делились своими мечтами. Но одну свою мечту я держала в тайне ото всех.

Как-то раз холодным зимним вечером мы с Данкой вышли, чтобы идти домой, и сразу наткнулись на Анджея.

– Я ждал вас, чтобы проводить. На склоне очень скользко... упадете еще, ушибетесь...

Я нашла это странным, но, с другой стороны, Анджей – славный парень, а на улице в самом деле скользко, – в общем, мы согласились. И с того вечера это стало обычаем: Анджей ждал нас у дома сестер Дрангер и провожал – даже когда потеплело. В один из весенних вечеров мы неторопливо шли вместе домой, и он вдруг без всякой причины взял меня за руку и замедлил шаг. Данка шла далеко впереди.

– На дороге сейчас не скользко, – сказала я.

– Да, не скользко, – ответил он, но руку не отпустил.

Мы услышали звук капель, падающих в каменный колодец, и подошли к обочине. Он снова сбавил шаг, словно что-то разглядывая, а потом произнес тихим шепотом:

– Рена?

– Что? – Я подняла на него взгляд, и тут – прямо у деревенского колодца – он сорвал поцелуй с моих губ. О продолжении прогулки не могло быть и речи, и я опрометью бросилась домой.

Мама с зажженным фонарем, дрожащим в ее руках, ждала меня на крыльце.

– Рена? – Я до сих пор слышу этот голос. – Рена!

– Иду, мама! – откликаюсь я.

– Где ты была? Уже поздно. Иди в дом.

– Я учила уроки у Эрны с Фелой, – отвечаю я, вытирая ноги.

– Учила уроки, да? – Она убирает волосы с моего лица и смотрит мне в глаза. Интересно, поняла ли она, что я что-то утаиваю? – Иди ложись спать.

– Да, мама. – Я чмокаю ее в щеку. От нее пахнет халой и ванилью.

Любуясь на себя перед зеркалом, я провожу расческой по волосам раз, наверное, сто, воображая, как Анджей наклоняется ко мне для поцелуя. Я вновь и вновь вспоминаю, как его губы коснулись моих. Сердце готово выскочить из груди.

- Меня поцеловали, - делюсь я сокровеннейшей тайной со своим отражением.

Мы вспыхиваем - мое отражение и я.

Натянув ночную рубашку, я забираюсь под прохладные, чистые хлопковые простыни и жду, когда мама придет подоткнуть одеяло.

- Рена, ты вся горишь. Что стряслось?

- Ничего, мама. Просто очень хороший вечер, - улыбаюсь я в темноте.

- Спокойной ночи, - целует она меня.

Мне немного грустно, что мою тайну нельзя рассказать никому. Я хожу в общую школу вместе с гоями, нас учат преподаватели-католики, хоть сами мы и ортодоксальные евреи. Мы с Анджеем играли с самого детства, но он все равно не еврей. Ничего из его поцелуя не выйдет, и я это знаю.

* * *

- Я это знала. - Рена умолкает. Глаза стали влажными, в уголках губ играет робкая улыбка, словно она по-прежнему та девочка, которая в спальне у зеркала вспоминает свой первый поцелуй.

Пару недель спустя во время ее рассказа на стенке бьют дедовские часы, и она вдруг резко вздрагивает. Она смотрит на меня блуждающим взглядом и шепчет: «В Аушвице не было часов».

Так она и ведет свой рассказ. Прошлое переплетается в нем с настоящим, и нити сплетены так туго, что порой трудно различить «тогда» и «сейчас». Ее взгляд устремляется вдаль, и она забывает, что я сижу рядом. По мере того как меняется ее голос, глаголы переходят из прошедшего времени в настоящее и

наоборот, балансируя между миром слова «был» и миром слова «есть», словно там нет никакой осязаемой границы. А может, ее и в самом деле нет.

Порой ее возвращает в нашу комнату лишь мое присутствие, бусы ее воспоминаний тонки и хрупки, словно их выпускает в воздух невидимый стеклодув.

В тот первый день Рена ведет свой рассказ шесть часов кряду. Когда солнце уже садится за горы, Джон сверху кричит: «Эй, дамы, хотите чаю?» Я без сил, мне просто необходим перерыв. Но Рена полна энергии и готова, кажется, говорить хоть всю ночь. Воодушевленная нашим первым сеансом, она весело болтает, пока Джон подает нам чай. На ужин мы едим pierogi и kielbasa – это станет нашей традицией. После десерта Рена достает, наконец, все, что она хотела мне показать: коллекцию своих блокнотов, исписанных по-польски, исторические книги о Холокосте, польскую брошюру о Марше Смерти из музея Аушвица. Рена с мужем рассказывают истории из их совместной жизни, пока Джон не замечает, что я зеваю.

«Мамочка, нашей очаровательной леди нужен отдых!» Рена вскакивает на ноги с извинениями. Диван, на котором мы просидели весь день, раскладывается, превращаясь в кровать. И они укладывают меня, почти как родители. Тихо горит огонь. У меня устали глаза, но мысли продолжают свой бег. Перед глазами стоят жуткие снимки из «Аушвицкого альбома»[9 - Альбом со снимками, делавшимися в Аушвице неизвестным фотографом. Любопытна история альбома. Его случайно нашла бывшая узница, еврейская девочка по имени Лили Якоб. При эвакуации Аушвица перед приходом советских войск нацисты перевозили Лили вместе с другими узниками из лагеря в лагерь. Ее освободили, когда она была в лагере Дора. Там она заболела и, очнувшись в брошенной эсэсовцами казарме, обнаружила в буфете возле койки этот альбом. Среди фотографий она узнала себя и своих родных. В 1980 году она передала альбом в иерусалимский музей Холокоста Яд Вашем. Позднее он был выпущен в виде книги, а текст написал Петер Хеллман. – Примеч. пер.] Петера Хеллмана. Всякий раз, разглядывая эту фотохронику, я слышу голос Рены. «Это все происходит сейчас, – убеждает меня мой внутренний голос. – И Рена – вот же она!» И только за полночь я, наконец, проваливаюсь в глубокий сон без сновидений.

На следующее утро, когда солнце снова приветливо освещает розовые занавески, а передо мной дымится чашка кофе, Рена признается:

- Всю ночь не могла уснуть. Все думала об Анджее.

Я щелкаю кнопкой диктофона, сжимая в ладонях фарфоровую чашку как напоминание: не отвлекайся! Если Рена начала говорить – это поток воспоминаний, нельзя ничего пропустить.

- Раньше, после войны, еще в Голландии, мне каждую ночь снился один и тот же сон...

Данка в опасности. Иногда они приказывают ей прыгать в яму, а иногда сами сталкивают. А я всякий раз стою там и смотрю.

«Данка!» – кричу я, пробегая мимо них, и еле успеваю схватить ее за руку, когда она уже сорвалась вниз. Судьба Данки теперь полностью зависит от остатков моих сил, и я, стоя у края бездны, смотрю, не отрываясь, в зияющую внизу пустоту. Как же нам удалось вырыть такую глубокую яму, что в ней даже дна нет?

«Рена, помоги!» Удары наших сердец заглушают ее голос.

«Рена, не отпускай мою руку!»

«Не отпущу!» – обещаю я. Мои руки дрожат. С каждой новой судорогой, с каждым новым спазмом у меня все меньше шансов сдержать свое слово. Мое тело напряжено. Это уже не сон, это явь! «Держись, Данка!» Ногти трясущейся руки впиваются в ее плоть, изо всех сил цепляющуюся за жизнь.

Позади нас появляется Анджей. Своей мощной хваткой он сжимает наши руки и играючи вытаскивает Данку из ямы. При виде его я испытываю такое облегчение, что лишаюсь дара речи. Он улыбается мне и прямо на глазах пропадает. «Анджей!» – зову я. Нет ответа.

Он исчез.

«Если ты умрешь раньше, – слышу я голос Данки, – никто не будет рыдать горше меня. А если раньше умру я, даже если в мире никого больше не останется, кто стал бы по мне скорбеть, я знаю, ты все равно придешь оплакивать мою могилу».

Задыхаясь, словно загнанный в ловушку дикий зверь, я просыпаюсь. Душу леденит ночной кошмар, я не сознаю ни того, кто я, ни где я, пытаюсь выбраться из простыней, опутавших мои руки и ноги. Я ищу на прикроватном столике свечу, чтобы ее зажечь, но комната остается погруженной во тьму.

Имя стерто из моей памяти. Я снова номер.

Комната вокруг нас – яркий контраст той тьме, которую вызвал к жизни сон Рены. Мой кофе остыл, я молчу, не в силах подобрать слова. Я дотрагиваюсь до сине-серой чернильной точки, въевшейся в ее кожу у шрама под локтем, где раньше был номер.

– Это нижняя часть единицы, – шепчет она. Так выглядит выцветший черный цвет...

* * *

...Анджей был на три года взрослее меня, и в старших классах он учился в Крынице – этот городок, побольше нашего, находился километрах в семи, – так что в те годы виделись мы лишь изредка. Мы снова встретились на рынке, когда мне уже исполнилось 13. Я ужасно обрадовалась, и мы болтали обо всем подряд: о любимых книгах, школьных предметах. Я постоянно помнила, что нужно следить за дистанцией между нами, как наставляла мама, но совсем забыла про время. Уже почти стемнело, когда нас увидел шедший в храм член общины. Дело в том, что мне возбранялось говорить с мальчиком-гоем – да и вообще с любым мальчиком – наедине, без старшей спутницы. До чего же стыдно, когда один из старейшин синагоги делает тебе замечание прямо при Анджее и грозитя все рассказать отцу! Анджей сник – наш невинный момент счастья вдребезги разбила грубая реальность.

Я побежала вниз по улице навстречу отцовскому гневу.

Мама плакала, а папа строго наказал мне больше никогда не иметь никаких дел с Анджеем Гарберой. После этого я стала избегать встреч. Столкнувшись с ним на рынке, я не открывала рта, но мы обменивались взглядами, и эти взгляды были красноречивее любых слов. Так продолжалось два года, пока однажды вечером Анджей не возник у дверей дома Эрны и не попросил разрешения проводить меня по дороге нашего детства. Я убедилась, что поблизости нет никого из синагоги, и выскользнула к нему.

– Я уезжаю в Краков учиться на военного, – сказал он.

Я кивнула, но открыть рот не смела – ведь я обещала родителям.

– Я придумаю, как нам переписываться, чтобы твои родители не узнали.

Я повернула голову, чтобы он не смог меня поцеловать, хотя мне так хотелось ощутить его губы на своей щеке! Когда я вновь повернулась к нему, его уже след простыл.

Через пару недель я встретила на рынке его сестру Ханю, и она тайком сунула мне письмо из Кракова. Несколько дней я набиралась смелости и, наконец, написала ответ – с тех пор Ханя или мать Анджея отправляли ему мои письма, так чтобы никто в деревне не знал о нашей переписке.

Анджей Гарбера

Два лета я провела в Крынице в ученицах у портнихи и там встречалась с несколькими мальчиками-евреями. Мы ходили в кино, на вечеринки, но никто из них не пленил мое сердце. Приближалось семнадцатилетие, и я начала задумываться о будущем. За кого мне выйти замуж? Словно прочтя мои мысли, Анджей написал:

Дорогая Рена!

Я получил офицерские нашивки и больше не живу в казарме. Мне теперь положена квартира в городе. Я вложил в конверт деньги, их хватит на поезд до Кракова. Ты выйдешь за меня? С еврейской верой ты можешь делать все, что захочешь. Можешь воспитывать в ней детей. Я куплю тебе серебряный подсвечник, чтобы ты могла в пятницу вечером зажигать свечи, как твоя мать. Если твоим родителям это кажется неприемлемым, я могу сделать обрезание и принять иудаизм. Я люблю тебя с нашей самой первой детской встречи. Если ты тоже меня любишь, почему мы не можем быть счастливы? Если ты приедешь и выйдешь за меня, я стану самым счастливым человеком во всей Польше.[10 - Письма Анджея были утеряны во время войны, но Рена помнила их дословно наизусть, поскольку перечитывала по многу раз.]

Предложение Анджея во всех отношениях казалось сбывшейся мечтой. Мне так хотелось выйти замуж, иметь семью, но брак с ним был невозможен. И мне пришлось, скрепя сердце, написать ему в ответ:

Дорогой Анджей!

Моим родителям не нужно, чтобы ты обращался в иудаизм, – этого недостаточно. Надо родиться евреем. Я думала, ты понимаешь строгость правил нашей веры и нашего народа. Прости, если я дала тебе ложные надежды. Для меня выйти за нееврея – все равно что убить родителей. Они будут оплакивать меня, словно я умерла, и перестанут считать меня дочерью. Мы не можем быть вместе. Несмотря на все мои чувства к тебе, я не вынесу разрыва с родными. Возвращаю тебе деньги. Мне очень жаль, но я не могу выйти за тебя.

С любовью, Рена

Разумеется, письмо Анджея я с родителями даже не обсуждала. Узнав, что я переписывалась с Анджеем, они были бы убиты горем, – не говоря уже о его предложении. Чтобы получить одобрение родителей, мой будущий муж должен быть евреем, причем желательно из ортодоксов, и я ни за что не совершила бы поступка, который разбил бы им сердце.

* * *

В Тыличе радио было только у одной семьи. Днем в той семье открывали окно, и все собирались под ним, чтобы узнать международные новости и послушать странные и страстные речи Адольфа Гитлера, где он угрожал полякам, евреям и всем остальным неарийцам. Шел 1938 год, и папу с мамой встревожили вести о неожиданной аннексии Словакии: у них обоих братья жили по ту сторону границы, в Бардеёве[11 - Село Тылич и словацкий город Бардеёв расположены у польско-словацкой границы.]. Меня, впрочем, куда больше волновало тайное предложение Анджея. Потом Германия и Россия заключили пакт, и вся Польша задрожала от страха. Нашу землю делили слишком много раз, так что мы очень серьезно отнеслись к угрозе со стороны Сталина и Гитлера, и Польша призвала свою молодежь в армию на защиту страны. В нашей деревне многие парни служили – Толек, Алекс, Анджей. Они были частью тех, кто нас защищал, и мы гордились ими.

1 сентября 1939 года Германия вторглась в Польшу, и нашей простодушной жизни настал конец. Анджей избежал плена. Он вместе с другими парнями тайком добрался до дома и присоединился к подполью. На нашей оккупированной родине Тылич из сонного приграничного городка превратился в стратегически важный объект. Повсюду были немецкие пограничники со служебными собаками и винтовками, и у нас тоже вступили в силу Нюрнбергские законы[12 - «Закон о гражданине Рейха» и «Закон о защите германской крови и германской чести» – расистские (в первую очередь антиеврейские) законы, провозглашенные по инициативе Гитлера в 1935 году.]. Человека из синагоги по имени Йозеф назначили главой новой организации Юденрат, что означает «Еврейский совет», и приказали ему составить список всех молодых евреев Тылича. В первую же неделю нацистской оккупации нам велели носить, не снимая, нарукавные повязки с вышитой на них синей звездой Давида. Мы больше не могли покупать продукты у неевреев, нанимать неевреев на работу и пересекать словацкую границу (в Словакии торговлю с неевреями пока не запретили). Нам объявили, что любого, кто нарушит немецкий закон – будь он хоть еврей, хоть нет, – казнят как изменника и предателя. Мы с Данкой и другими молодыми евреями и еврейками должны были убирать армейские квартиры, чистить обувь, драить полы и выполнять другие поручения немцев.

Многие годы к нам на шаббат с утра приходила одна бедная полька – разжечь огонь и разогреть еду, которую мама приготовила накануне. По новым правилам ей запрещалось входить в наш дом или выполнять для нас любую работу. Она

плакала, прощаясь, и мы – как и остальные евреи в Тыличе, – дабы не нарушить законы ортодоксальной веры, были вынуждены в шаббат есть холодную еду и сидеть в нетопленном доме. Папе и другим евреям-фермерам, которые не могли теперь нанять подручных, приходилось работать гораздо больше обычного, чтобы убрать урожай. Мы с Данкой тоже трудились от зари допоздна, разрываясь между повинностью у немцев и своей фермой.

К счастью, закон не запрещал обмен товаров на услуги, поэтому мы стали менять Зосино шитье на масло, сыр и муку. Некоторые из фермеров-гоев продолжали вести бизнес с папой, поскольку мы были соседями, а тыличская община всегда отличалась сплоченностью. Люди боялись немецких законов, но относились к ним без уважения и искали в них лазейки.

Многие из ушедших в армию местных ребят вернулись домой, однако Зосиного мужа среди них не оказалось. Мы не получали от Натана никаких вестей. Позже, уже в октябре, по почте пришла открытка с русской маркой. Зося протянула ее маме и стала ждать со сложенными у лица руками, словно читая молитву на шаббат.

Мама охрипшим голосом прочла вслух:

– «Дорогие мои! Там, где я сейчас, очень холодно. Люблю вас всех. Натан».

Мы молча разглядывали каждую щель в полу. Сестра прижала к себе детей и разрыдалась:

– Значит, он где-то в Сибири.

Жизнь катилась под откос: что ни день – то новая беда. Когда Гершель, младший сын Зоси, сильно расхворался и ему потребовалась операция, мы просто не знали, что делать. Новые законы запрещали евреям – даже детям – обращаться к врачу. Но поскольку Словакию Германия аннексировала, а не оккупировала, со словацкими евреями обращались все же не так сурово, как с польскими. В Словакии евреям дозволялось работать за деньги, их не заставляли носить звезду, и – самое главное для Гершеля – им разрешали лечиться у врача.

– Если получится перейти границу, то, наверное, мы легко найдем в Бардеёве дядю Якоба Шютцера. По крайней мере, там можно лечить Гершеля, – сказала Зося маме и папе. – Кто знает, куда занесло Натана и сможет ли он когда-нибудь вернуться? В Словакии я буду служить в лавке у дяди Якоба, пока не подыщу другую работу, а когда обустроюсь, то заберу к себе малышку Эстер.

– Я напишу брату, что ты приедешь, – согласилась мама, – и буду молиться, чтобы у тебя все получилось.

Слева направо Рена, Гершель, мама, Зося, Эстер, Данка

Добраться до дяди Якоба Зосе помогли фермеры, которые ездили в Словакию торговать на рынке. Она писала домой каждую неделю, передавая письма через наших друзей-гоев, которые по-прежнему свободно перемещались через границу. В одном из писем она сообщила, что Гершеля успешно прооперировали. Наши молитвы были услышаны.

Через несколько недель Зося написала, что ей предложили место экономки в Братиславе. Братислава – это другой конец Словакии, на границе с Австрией. Мама переживала: это ведь так далеко! Гертруда уже живет в Америке, а теперь и Зося уезжает? У мамы оставались только мы с Данкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Шикса – обозначение евреями нееврейки (происходит от ивритского слова «шэкэц»(???) – мерзость, нечистое насекомое). – Примеч. ред.

2

Питер Маттиссен – американский писатель (1927–2014). – Примеч. ред.

3

В источниках обычно говорится о 999 девушках, но, сверив списки (их было два – транспортный и лагерной регистрации), я обнаружила, что девушек было 998, а цифра 999 появилась из-за канцелярской ошибки.

4

Яд Вашем – музей в Иерусалиме; ивритское слово «яд» означает здесь «место памяти». – Примеч. ред.

5

Учет смертей женщин велся в Аушвице не очень тщательно, к тому же часть документов была уничтожена, но нам сегодня известно, что из женщин, прибывших первым составом, более двухсот погибли в первые шесть месяцев. Более пятидесяти из них были еще подростками. (Источник: Яд Вашем и

«Сохранившиеся документы о смертях в концлагере Аушвиц».)

6

Имеется в виду первый в рамках политики «окончательного решения еврейского вопроса» (Strzelecka).

7

Граница, проведенная в 60-е годы XVIII века английскими специалистами Чарльзом Мэйсоном и Джеремайей Диксоном, специально приглашенными для разрешения территориального спора между Пенсильванией и Мэрилендом. Сложилось так, что линия Мэйсона-Диксона фактически стала границей между Севером и рабовладельческим Югом.

8

Воспаление дыхательных путей. – Примеч. ред.

9

Альбом со снимками, делавшимися в Аушвице неизвестным фотографом. Любопытна история альбома. Его случайно нашла бывшая узница, еврейская девочка по имени Лили Якоб. При эвакуации Аушвица перед приходом советских войск нацисты перевозили Лили вместе с другими узниками из лагеря в лагерь. Ее освободили, когда она была в лагере Дора. Там она заболела и, очнувшись в брошенной эсэсовцами казарме, обнаружила в буфете возле койки этот альбом.

Среди фотографий она узнала себя и своих родных. В 1980 году она передала альбом в иерусалимский музей Холокоста Яд Вашем. Позднее он был выпущен в виде книги, а текст написал Петер Хеллман. – Примеч. пер.

10

Письма Анджея были утеряны во время войны, но Рена помнила их дословно наизусть, поскольку перечитывала по многу раз.

11

Село Тылич и словацкий город Бардеёв расположены у польско-словацкой границы.

12

«Закон о гражданине Рейха» и «Закон о защите германской крови и германской чести» – расистские (в первую очередь антиеврейские) законы, провозглашенные по инициативе Гитлера в 1935 году.

Купить: https://tellnovel.com/ru/makadem_hezer-d-yui/klyatva-istoriya-sester-vyzhivshih-v-osvencime

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)